

Список использованных источников

1. Малишевский, Н. Н. Избирательные технологии в современных выборах (на материале Республики Беларусь): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Н. Н. Малишевский. – Минск, 2006. – 129 л.
2. Карпухина, И. А. Избирательный процесс в политической системе Республики Беларусь: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / И. А. Карпухина. – Минск, 2006. – 149 л.
3. Решетникова, Т. С. Функциональный подход в политической науке: методология и аналитический инструментарий: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Т. С. Решетникова. – Минск, 2010. – 131 л.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир, 1997. – 704 с.
5. Худяков, А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: вторая половина XX в. / А. В. Худяков // Вес. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2022. – Т. 14., № 3. – С. 109–119.

(Дата подачи: 04.02.2024 г.)

A. G. Tsimbal

Минский государственный лингвистический университет, Минск

G. Tsimbal

Minsk State Linguistic University, Minsk

УДК 32.019.51:94(4)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

EUROPEAN UNIONS'S POLITICS OF HISTORY

В статье рассматриваются ключевые аспекты исторической политики Европейского Союза, включая образование, мемориальные практики, музейные экспозиции и публичные дискурсы. Анализируется эволюция интерпретации таких событий, как Вторая мировая война, Холокост и процесс европейской интеграции. Особое внимание уделяется дискуссиям вокруг проекта Дома европейской истории, продемонстрировавшим сложности выработки единого нарратива о прошлом в многонациональном объединении.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; Европейский Союз; Вторая мировая война; Холокост; Дом европейской истории; европейская идентичность; нарративы памяти.

The article examines key aspects of the European Union's politics of history, including education, memorial practices, museum exhibitions, and public discourses. It analyzes the evolution of interpretations of major events such as World War II, the Holocaust, and the process of European integration. Particular attention is paid to the debates surrounding the House of European

---

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

History project, which demonstrated the difficulties of developing a unified narrative about the past within a multinational union.

Keywords: politics of history; politics of memory; European Union; World War II; Holocaust; House of European History; European identity; memory narratives.

Историческая политика играет важную роль в формировании коллективной идентичности и нарративов политического объединения. Европейский союз (ЕС) как наднациональное образование также сталкивается с особыми вызовами в процессе конструирования европейской идентичности, пытаясь выработать общий исторический нарратив, который бы объединял разные национальные истории и памяти.

С одной стороны, структуры ЕС стремятся культивировать общеевропейскую идентичность и ценности, такие как демократия, права человека, поиск консенсуса и мирное разрешение конфликтов. Эти ценности зачастую увязываются с определенной трактовкой истории Европы как континента, преодолевшего авторитаризм, национализм и войны. С другой стороны, каждое государство-член имеет свою национальную историю, традиции и подходы к интерпретации прошлого. В этом контексте институты ЕС вынуждены лавировать между общеевропейскими нарративами и национальными историческими дискурсами. Они стремятся найти баланс, который, с одной стороны, содействовал бы дальнейшей интеграции, но, с другой, не нивелировал национальные особенности. Анализ исторической политики ЕС представляет собой кейс для изучения формирования новой, наднациональной идентичности на основе общего прошлого.

В данной статье рассмотрены ключевые аспекты исторической политики Евросоюза, включая образование, мемориальные практики, музейные экспозиции и публичные дискурсы. Особое внимание будет уделено тому, как ЕС интерпретирует такие важные события, как Вторая мировая война, Холодная война и процесс европейской интеграции. Анализ покажет, каким образом историческая политика вносит вклад в строительство «Европы» как воображаемого сообщества.

В процессе создания ЕС история всегда играла важную роль. Уже в первые годы его существования возникает так называемый «миф основания», утверждавший закономерность возникновения ЕС как реакции на опыт войны и диктатуры пережитый в годы Второй мировой войны [1].

Решимость избежать новой войны между европейскими государствами со времен декларации Шумана 9 мая 1950 г. занимает центральное место в нарративе создания Европейского союза. Память о внутриевропейских конфликтах и войнах проходит красной нитью в официальных документах и политических выступлениях, и заметно повлияла на создание институтов ЕС [2, р. 40–44]. Образ единой Европы в первые годы существования конструировался методами политики памяти посредством обращения к наследию таких европейских правителей, как Карл Великий. Его правление, отмеченное военными завоеваниями, глубоким религиозным влиянием, но-

ваторскими правовыми реформами и культурным возрождением, сформировало основы западноевропейской цивилизации, за что его часто называют «отцом Европы».

История европейской интеграции сама стала местом памяти. Европейские структуры направляли свои усилия на мемориализацию отцов-основателей ЕС. Титул «отца Европы» получил Роберт Шуман, первый президент Европейского парламента [3], а еще один «отец основатель Европы» Жан Монне стал первым «почетным гражданином Европы». (Jean Monnet House The man https://jean-monnet.europa.eu/jean-monnet/man_en) [4]. Сегодня функционируют Европейский центр Роберта Шумана и Дом Жана Монне как организации, ведущие активную образовательную, информационную и популяризаторскую работу по продвижению идеи европейской интеграции.

Однако первоначально европейские институты не предпринимали активных попыток разработки политики памяти ЕС, определения интерпретации ключевых европейских исторических событий. Только в 1970-е гг. экономические проблемы, вызванные нефтяным кризисом, привели европейских политиков к пониманию, что, как позже говорил бывший президент Европейской комиссии в 1989 г. Жак Делор, «нельзя влюбиться в общий рынок». Он же, ссылаясь на известного французского историка Фернана Броделя, указывал, что нужен энтузиазм населения, который и раньше мобилизовал Европу в прошлом [5]. С этого времени начинают разрабатываться стратегии, направленные на укрепление поддержки европейской интеграции со стороны населения. Кризис легитимности подтолкнул Европейскую комиссию к активной демонстрации того, что у европейской интеграции есть причины, выходящие за рамки чисто экономического сотрудничества [6, р. 82]. Об этом говорилось в итоговом коммюнике Парижского саммита (1972 г.). Общее культурно-историческое наследие должно было стать объединяющим элементом для европейского сообщества в период кризиса. С целью утвердить идею общей европейской памяти и идентичности, выходящей за рамки абстрактных политических принципов, в 1985 г. была запущена программа «Культурные столицы Европы» [7, р. 558–559].

Идея Европы как колыбели демократии и родины Ренессанса укрепилась в 1980-х гг. в том числе благодаря расширению ЕС за счет Греции, Испании и Португалии в 1981–1986 гг. Афины и Флоренция стали первыми культурными столицами объединенной Европы. Однако, только в 1990-е гг. политика памяти ЕС обращается к таким сложным темам, как Вторая мировая война, опыт нацистской диктатуры, концентрационных лагерей и антисемитизма.

Поворот к проблемным аспектам европейской истории был обусловлен процессами в самих европейских странах, где происходило признание роли местного населения в депортации европейских евреев во время Второй мировой войны. Тема Холокоста в данный период выходит на передний план в публичном дискурсе. Распад СССР и окончание холодной войны также способствовали трансформации политики памяти. С одной стороны, исчез-

ло противопоставление Запада и Советского Союза, скрывавшее различия между западными странами, а с другой – демократизация памяти в Центральной и Восточной Европе актуализировала вопросы вины и ответственности за события Второй мировой войны как на Востоке, так и на Западе. В 1980–1990-х гг. Холокост занял центральное место в политике памяти Европейского союза, что было обусловлено рядом исторических факторов. Конец холодной войны и падение Берлинской стены в 1989 г. позволили поднять многие «темные» страницы истории в Восточной Европе, что ранее было затруднено в период идеологического противостояния блоков. Процесс европейской интеграции и создания единого рынка требовал формирования общеевропейской идентичности и ценностей. Память о Холокосте стала одним из столпов нового наднационального европейского самосознания, основанного на принципах защиты прав человека и противодействия национализму, расизму и антисемитизму.

Активизация движения за права человека и распространение универсальных гуманистических ценностей в мире после окончания холодной войны способствовали тому, что Холокост стал рассматриваться как преступление против всего человечества, а не только еврейского народа. В 1990-е гг. выросло новое поколение европейцев, не имевшее прямого опыта Второй мировой войны, и сохранение памяти о Холокосте стало важной задачей образования и воспитания молодежи в духе толерантности.

Рост ультраправых и ксенофобских настроений в ряде стран Европы в 1990-е гг. также требовал противопоставления официальной политики памяти ревизионистским попыткам отрицания Холокоста. Таким образом, тема Холокоста стала квинтэссенцией европейской политики памяти как символ преодоления национализма, милитаризма и утверждения общечеловеческих ценностей, прав меньшинств и недопущения подобных трагедий в новой объединенной Европе.

Подобная интерпретация Холокоста стала попыткой конструирования всеобъемлющей политической идентичности, создания наднационального измерения национальной идентичности и памяти. Память о Холокосте понималась как ядро объединяющей европейской памяти, давая конституционному строительству в Европе необходимую символическую основу.

Результатом стало множество мероприятий с 1990-х гг., призванных на институциональном уровне закрепить память о нем в европейских странах. Европейский парламент принял ряд резолюций, посвященных Второй мировой войне, убийству европейских евреев, памяти о концентрационных лагерях и борьбе с ксенофобией и расизмом в ЕС [8–10]. Вторая резолюция ЕП в 1995 г. объявила 27 января общеевропейским днем памяти о Холокосте, который вместе с «Днем Европы» (9 мая), стал одной из европейских памятных дат, имеющих транснациональный характер.

Во всех следующих резолюциях упоминалась важность Холокоста при определении целей и ценностей Европейского союза. Холокост стал моральным фактором, влияющим на внутреннюю и внешнюю политику, как,

например, во время вмешательства в конфликты в Боснии, Ираке, Сирии и Афганистане [6, p. 84].

Стокгольмский международный форум в 2000 г. продемонстрировал растущее стремление международного сообщества помнить о жертвах геноцидов и пытаться извлечь уроки из трагедии Холокоста. Декларация, принятая на конференции, подчеркивала международную поддержку борьбы с расизмом, антисемитизмом, этнической ненавистью и невежеством в истории. Участники отметили, что Европа заканчивается там, где не признается беспрецедентный характер Холокоста и его универсальное значение. Политика памяти ЕС начала вращаться вокруг идеи, что опыт войны и диктатуры изменил понимание европейцами гражданских свобод и индивидуальных прав человека и что ЕС воплощает уникальную исторически обоснованную концепцию демократии. Способность нации признать свое национальное прошлое стала своеобразным критерием для вступления в ЕС государств Центральной и Восточной Европы в 2004 г. [6, p. 85]. Политика Европейского союза в области памяти направлена на переход от национальных к европейским системам памяти, акцентирование внимания на таких общих трагических событиях, как Холокост, и урегулирование споров в области памяти между странами Восточной и Западной Европы.

Попыткой не только отражения бурной истории Европы XX в., но и представления различных культур памяти, отражающих противоречивые интерпретации истории, в том числе Восточной Европы после окончания Второй мировой войны, стал кейс Дома европейской истории, который был открыт в Брюсселе в 2017 г. [11]. Музей в Брюсселе стал важным центром политики памяти в Европейском Союзе, направленной на укрепление общеевропейской идентичности. Этот институт представляет собой ключевой элемент политики ЕС в области памяти, отражающий растущее участие ЕС в формировании коллективной памяти. Дом европейской истории является символом усилий ЕС по переосмыслению европейского прошлого, признавая историю жесточайших конфликтов и разногласий на континенте [12]. Перед новым музеем европейской истории стояла, по сути, невыполнимая задача примирить контрастирующую память западных и восточных европейцев для создания единого наднационального европейского нарратива [13, p. 297–299].

Группа европейских консерваторов и реформистов, например, назвала музей «домом идеологии», обвинив его в игнорировании малых государств-членов в процессе работы. Как отмечал в дискуссиях датский профессор М. Босс: «Европа не является культурным монолитом. Я не согласен со знаком равенства между Европой и Европейским союзом не только потому, что не все европейские страны входят в эту международную организацию, но и потому, что когда ЕС обращается к корням, он не всегда имеет в виду все историческое наследие Европы» [14]. Критика звучала, в частности, в отношении игнорирования христианских корней Европы.

Результат во многом является компромиссом, типичным для большинства инициатив по сохранению памяти в ЕС. Открытие Дома европейской

памяти стало знаковым событием в политике памяти ЕС. Однако проект с самого начала вызвал ожесточенные дискуссии, отразившие сложности выработки единого нарратива о травматическом прошлом в многонациональном объединении.

Особенно критиковали музей представители Польши. 25 сентября 2017 г. министр культуры Польши П. Глинский обратился с открытым письмом к президенту Европейского парламента А. Таяни, в котором он утверждал, что говорит от имени всей Центральной Европы, подчеркивая, что выставка нарушает историческую правду в фундаментальных вопросах, упускает множество важных исторических фактов и во многих случаях представляет их субъективную интерпретацию [15].

Вопросы исторической памяти и репрезентации прошлого занимают все более заметное место в политической повестке ЕС. Стремление сформировать общеевропейскую историческую идентичность и нарратив столкнулось с серьезными вызовами, продемонстрированными дискуссиями вокруг таких инициатив, как Дом европейской памяти.

Основные разногласия разворачиваются вокруг интерпретации ключевых исторических событий XX в., особенно Второй мировой войны, Холокоста и периода социализма в истории стран Центрально-Восточной Европы. Поиск баланса в этих подходах остается одним из главных вызовов.

На институциональном уровне Евросоюз сталкивается с трудностями согласования общей политики памяти с национальными мемориальными практиками и историографическими традициями.

В теоретическом плане активизировались дискуссии о возможностях и ограничениях формирования наднациональной исторической памяти. Критические концепции памяти ставят под сомнение сам проект создания общей мемориальной идентичности для ЕС. Вместе с тем, можно отметить важность подобных инициатив для процессов конструирования новых форм идентичности.

Политика памяти в ЕС, безусловно, продолжит развиваться, отражая новые вызовы. Ключевыми направлениями здесь могут стать дальнейшая институционализация общеевропейских мемориальных практик, поиск путей более инклюзивной репрезентации национальных нарративов, а также теоретическое осмысление роли памяти в процессах европейской интеграции. Междисциплинарные исследования в этой области будут крайне востребованы для лучшего понимания одной из наиболее сложных политических повесток современности.

Список использованных источников

1. *Bennett, S.* Mythopoetic Legitimation and the Recontextualisation of Europe's Foundational Myth / S. Bennett // *Journal of Language and Politics*. – 2022. – № 21:2. – P. 370–389.

2. *Sierp, A.* History, Memory and Trans-European Identity: Unifying Divisions / A. Sierp. – New York and London: Routledge, 2014. – 192 p.

3. Biography of Robert Schuman // Robert Schuman European Centre [Electronic resource]. – 2024. Mode of access: <https://www.centre-robert-schuman.org/en/robert-schuman-en/biography-robert-schuman>. – Date of access: 27.02.2024.

4. The man // Jean Monnet House [Electronic resource]. – 2024. Mode of access: https://jean-monnet.europa.eu/jean-monnet/man_en. – Date of access: 27.02.2024.

5. Address given by Jacques Delors to the European Parliament (17 January 1989) // Cvce.eu [Electronic resource]. – 2024. – Mode of access: https://www.cvce.eu/content/publication/2003/8/22/b9c06b95-db97-4774-a700-e8aea5172233/publishable_en.pdf. – Date of access: 27.02.2024.

6. *Sierp, A.* Europeanising memory: the European Union's politics of memory / A. Sierp // Handbook on the Politics of Memory / ed. M. Mälksoo. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing. – 2022. – P. 81–84.

7. *Patel, K.K.* Integration by Interpellation / K. K. Patel // Journal of Common Market Studies. – 2022. – № 51(3). – P. 538–554.

8. RESOLUTION on European and international protection for Nazi concentration camps as historical monuments // Publications Office of the European Union [Electronic resource]. – 1993. Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/e03ef836-2326-404a-9d83-49d747da833b/language-en>. – Date of access: 27.02.2024.

9. Resolution on a day to commemorate the Holocaust // Publications Office of the European Union [Electronic resource]. – 1995. – Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7622aa58-21bc-445c-b820-760d6303555a/language-en/format-HTML/source-309224343>. – Date of access: 27.02.2024.

10. European Parliament resolution on countering racism and xenophobia in the European Union // Publications Office of the European Union [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/7a7111c9-6ae7-4aca-abe3-e838c78d7bae/language-en/format-PDF/source-309224554>. – Date of access: 27.02.2024.

11. *Семенов, И. С.* Политика памяти в европейском союзе: в поисках общих ориентиров / И. С. Семенов // Izvestiya of Altai State University. – 2020. – № 6. – С. 61–67.

12. *Remes, A.* Memory, Identity and the Supranational History Museum: Building the House of European History // A. Remes // Units.it [Electronic resource]. – 2020. – Mode of access: https://moodle2.units.it/pluginfile.php/705398/mod_resource/content/1/Anastasia%20Remes.pdf. – Date of access: 22.02.2024.

13. *Hamar, T.* Narrating Unity at the European Union's New History Museum: A Cultural-Process Approach to the Study of Collective Memory / T. Hamar // European Journal of Sociology. – 2016. – № 57(2). – P. 297–329.

14. House of history or house of ideology? In the EP about the House of European History // European conservatives and reformists [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: https://ecrgroup.eu/article/house_of_

history_or_house_of_ideology_in_the_ep_about_the_house_of_european. – Date of access: 27.02.2024.

15. The House of European History in Brussels - Information from the Polish delegation // General Secretariat of the Council [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-13870-2017-INIT/en/pdf>. – Date of access: 27.02.2024.

(Дата подачи: 28.02.2024 г.)

А. Д. Черняк

Белорусский государственный университет

A. D. Chernyak

Belarusian State University

УДК 327(091+56+009)

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА

GENESIS OF INTERNATIONAL MEDIATION

Данная статья раскрывает реализацию посредничества на протяжении человеческой истории, уделяя особое внимание посредничеству на политическом уровне и в международных отношениях начиная с древних времён и заканчивая XXI в. Автор отображает процесс институционализации понятия посредничества в международной практике и отдельно рассматривает такую форму международного посредничества, как международные контактные группы.

Ключевые слова: международное посредничество; история; международные контактные группы.

This article reveals the implementation of mediation throughout human history, paying special attention to mediation at the political level and in international relations from ancient times to the 21st century. The author reflects the process of institutionalization of the concept of mediation in international practice and separately considers this form of international mediation as international contact groups.

Keywords: international mediation; history; international contact groups.

Посредничество как многомерное явление на протяжении столетий является довольно привычным явлением в общественной жизни не только отдельно взятых граждан, но и их групп, объединений и даже целых государств, перейдя тем самым на международный уровень.

Сам термин «посредничество» в русском языке имеет глубокие корни и восходит к общеславянскому слову *serda* (сръда – по сръдъ – посръдникъ – посредник), имеющего значение «середина» [1, с. 596]. То есть, в широком смысле посредником являет актер, осуществляющий промежуточные услуги между двумя субъектами отношений, а само посредничество является процессом осуществления посреднических (промежуточных по своим свойствам) функций.